

Глава 7 (часть 6)

Ван Ебо грыз маленький хлебец в руке, бросил взгляд на стакан молока, который протягивал ему Сяо Чжань, отвернулся и решил: «Плевать я на тебя хотел».

— Что случилось? — с улыбкой спросил Сяо Чжань, усаживаясь рядом, перехватил его руку и откусил огромный кусок от булки, которую тот только что надкусил.

Видя, что от хлеба в мгновение ока осталась ровно половина, Ван Ебо яростно зыркнул на него:

— Ты что творишь? На столе столько всего, почему ты отбираешь именно моё?

— То, что у тебя в руках, вкуснее. — Сяо Чжань с плутовской улыбкой снова косился на остатки выпечки. Ван Ебо так испугался, что тут же затолкнул в рот оставшийся кусочек и, совершенно потеряв всякие приличия, прямо во время жевания начал брызгать на Сяо Чжаня крошками: — Ты просто специально это делаешь, Сяо Чжань! Говорю тебе, мы с тобой ещё не закончили!

— Что я опять сделал? Чего ты так злишься? — Сяо Чжань взял салфетку и принялся стирать крошки с уголка его рта. И когда Ван Ебо уже решил, что на этом всё и закончится, Сяо Чжань резко подался вперед и всю эту липкую дрянь со своего лица размазал прямо по молочным щечкам Ван Ебо. Закончив, он не преминул потереться о них еще пару раз. Ван Ебо попытался увернуться, но сил оказалось меньше, чем у противника — мало того, что уклониться не получилось, так его щеки еще и знатно потискали.

Разъяренный Ван Ебо яростно тер покрасневшие щеки, отобрал плед, завернулся в него с головой и забился в угол, точь-в-точь как кошка, которой наступили на хвост.

— Да ты задолбал! — ворчал он, вытирая лицо краем пледа. — Чего ты вообще добиваешься? Я спокойно сидел дома и ждал новостей, ты спокойно снимал свое кино, какого чёрта тебя понесло в Чжухай? Ладно, допустим, ты примчался, но принесло ли это хоть какую-то реальную пользу? И зачем ты забрал мой телефон? А сейчас мы зачем летим в Японию? Я вообще не хочу в Японию! Я должен сидеть в Чжухай и ждать ответа от Главного спортивного управления, а ты должен вернуться и нормально сниматься, держаться как можно дальше от всего этого грязного дерьма.

— Только сейчас дошло? Не поздновато ли? — Сяо Чжань ни капли не сердился и с ухмылкой поднес к его губам стакан с молоком: — Сначала сделай глоток, а потом поговорим.

— Я тут распинаюсь, а ты вообще мимо ушей всё пропустил! — с ненавистью выругался тот, но всё же послушно опустил голову и сделал большой глоток из рук Сяо Чжаня.

— Желудку хоть немного полегчало?

Ван Ебо погладил живот и кивнул:

— Угу, намного лучше. Нет, погоди, сейчас не об этом! Сяо Чжань, как прилетим в Японию, давай сразу найдем место поспать, а как выспимся — сразу обратно в Китай! Дел не впрокорот, мне еще на одно мероприятие идти, а на следующей неделе возвращаться в Чанша. Ты сколько раз уже отпрашивался у своей съёмочной группы? Скоро финал съёмок, прекрати устраивать балаган, возвращайся и снимай свое кино.

— Еще будешь? Я тут еще с ананасовым вкусом прихватил. — Сяо Чжань снова поднес к его губам мини-булочку. Ван Ебо уставился на него, приоткрыл рот, и кусочек с самой ароматной ананасовой начинкой аккуратно отправился прямо ему в рот. Прожевав, он позволил Сяо Чжаню без тени брезгливости доестъ оставшиеся краешки, после чего тот снова потянулся за молоком.

— Эй, я тебе столько всего наговорил, ты вообще слушал меня?! — Ван Ебо пиннул его ногой в зад. Сяо Чжань рассеянно кивнул:

— Слышал-слышал. Столько денег потратили, снимать номер в отеле всего на пару часов — ну какая выгода? Обязательно нужно пожить хотя бы три дня, чтобы отбить такие бешеные расходы.

— Да пошел ты! — Ван Ебо вложил в пинок чуть больше силы. — Я тебе о серьёзных вещах толкую, а ты мне про отели! Ты специально это делаешь?

Сяо Чжань снова поднес молоко к его губам и осквернительски улыбнулся:

— Сделай еще глоточек.

— Не буду, сначала договорим.

Сяо Чжань поднес стакан к собственным губам, сделал большой глоток, резко подался вперед, подхватил Ван Ебо за подбородок и влил жидкость прямо ему в рот.

— Ты... — Ван Ебо от неожиданности растерялся и чуть не захлебнулся. К счастью, Сяо Чжань контролировал скорость потока, и Ван Ебо, прижавшись спиной к узкому дивану в углу возле кровати, оставалось только смиренно глотать молоко по капле.

Расправившись с молоком, Сяо Чжань наконец отпустил его и прижал к себе. Ван Ебо окончательно понял: этот человек вообще не собирается слушать все его рассуждения. Он под видом заботы нагло и безапелляционно затыкал ему рот. Не хотел слушать и не собирался позволять говорить. На вид приветливый и мягкий, а на деле — деспотичный тиран.

— Не хочешь слушать — не буду говорить, но предупреждаю: со своими проблемами я разберусь сам, не суйся куда не просят. Не думай, что я не понял, зачем ты шлындай по торговым центрам! Мне это не нужно, и это лишнее, понятно? В конце концов, я могу вообще бросить спорт, я не хочу втягивать тебя в свои дела...

— Ван Ебо! — Сяо Чжань с выражением полного отчаяния на лице усадил его ровно у себя на коленях, тщательно укутал их обоих пледом и только потом тяжело вздохнул: — Ты вообще понимаешь, кто мы друг другу?

— ... — Ван Ебо отвернулся и промолчал.

— Мы законные супруги. С каких пор твои личные дела перестали меня касаться?

— Но я всё равно не хочу втягивать тебя.

Сяо Чжань с улыбкой повернул его лицо к себе, заглянул в глаза и снова повторил:

— Малыш, запомни: что бы ни случилось, я рядом. Тебе не нужно бояться втянуть меня во что-то, потому что даже если бы ты попытался отгородиться, я бы всё равно полез следом. Разве мужья не должны делить и радости, и горе? Если бы мы были теми супругами, которые разлетаются в разные стороны при первом же бедствии, почему тогда во время «227» ты отказался уходить? Тогда ты хотел защитить меня и спрятал в Хэнане. Сейчас я чувствую то же самое. Тех, кто причиняет тебе боль и огорчает, я не прощу ни единого. Поставь себя на мое место: если бы тогда ушел я и сказал тебе: это мои дела, не хочу тебя втягивать — что бы ты почувствовал? Тебе было бы больно?

Ван Ебо всмотрелся в его глаза. В сияющих звездами зрачках отражалось его собственное растерянное лицо. Точно ведь. Он же помнил, как панически боялся, что Сяо Чжань уйдет, помнил свое отчаяние, когда плакал и умолял не бросать его. А теперь он сам поступал точно так же, произносил те же самые слова и ранил любимого человека.

Он опустил голову, уткнулся лицом в грудь Сяо Чжаня и тихо прошептал:

— Прости.

Сяо Чжань беззлобно усмехнулся, запустил пальцы в его мягкие волосы и посмотрел в окно.

— Солнце встало.

Ван Ебо поднял голову с его груди и проследил за его взглядом. Сегодня погода выдалась на редкость ясной. На лазоревом небосводе белоснежные клочья облаков простирались до самого горизонта, словно морские волны, а ослепительно золотое солнце тихонько выглядывало из-за облачного моря. Прошло всего мгновение, и оно полностью завладело небом, окрасив белые

облака в янтарный цвет.

— Это что, рассвет? — Ван Ебо в восторге прижался к стеклу. Он никогда в жизни не видел рассвет так близко; раньше в самолетах он вырубался едва коснувшись кресла — смертельно уставший, ему было не до созерцания природных красот.

Сяо Чжань обнял его сзади, любуясь закатом... то есть рассветом вместе с ним:

— Погода наладилась. Теперь всё будет хорошо.

Ван Ебо повернул голову, посмотрел на него и улыбнулся. На щеках проступили две скобочки, которые в глазах Сяо Чжаня сияли ярче любого солнца за окном.

— Малыш, твоя улыбка такая красивая.

Сяо Чжань тоже улыбнулся. Ван Ебо потерся щекой о его плечо и заулыбался еще глупее:

— Разве учитель Сяо не хвастался, что его улыбка способна растопить ледники? Не совестно такое говорить?

— Ни капельки. Вот улыбка моего учителя Вана — это настоящая красота: и нежная, и милая.

— Кто тут нежный? Кто нежный?! Я крутой перец! — Ван Ебо уткнулся лбом в его плечо, пытаясь боднуть. Сяо Чжань смеялся и уворачивался, пока оба не выдохлись окончательно. Ван Ебо прерывисто вздохнул и поднял голову; Сяо Чжань как раз в этот момент наклонился к нему, и их губы сами собой, легко и естественно, слились в поцелуе.

Лучи утреннего солнца пробились сквозь стекло. Облаков больше не было, и это солнце казалось необычайно теплым и слепящим. Оба прикрыли глаза. Плед с плеч Ван Ебо бесшумно сполз вниз, а его руки медленно легли на шею Сяо Чжаня...

Сяо Чжань опустил чемоданы на пол и с умилением наблюдал, как Ван Ебо, словно малый ребенок, носится по всей вилле. Во всем его облике сквозило неизъяснимое блаженство.

— Аккуратнее, у тебя на теле раны, горячие источники пока под запретом.

— Да как так? Я с таким трудом вырвался в отпуск, если не купаться в источниках, то зачем вообще ехать в Японию?

Пункт назначения, куда они прибыли, представлял собой небольшой уездный городок, затерянный в котловине посреди горы Фудзи. Скорее даже не уездный город, а туристическую зону отдыха: путь наверх и вниз неизбежно лежал через эти места, поэтому больше всего здесь было отелей и рёканов.

Сяо Чжань, разумеется, не собирался селиться в отелях. Раз уж они приехали развеяться, им требовалась полная свобода. Он целиком арендовал небольшую виллу в традиционном японском стиле, сплошь деревянную на вид. И хотя снаружи постройки выглядели древними, внутри обнаружилась вся необходимая современная техника, а во внутреннем дворе имелся собственный бассейн с термальной водой, готовый принять гостей в любое время.

Ван Ебо вихрем носился по двору, на удивление оставшись абсолютно довольным обстановкой. Особенно его впечатлил открытый термальный источник — если бы Сяо Чжань вовремя не схватил его за шкурку, парень уже сиганул бы туда плавать.

Заметив его рвение, Сяо Чжань поспешил накинуть ему на плечи пуховик:

— Перестань дурачиться, это тебе не подножие горы, простудишься еще.

Ван Ебо потёрся щекой о пушистый воротник новой куртки. Одежда оказалась большой, он широко раскинул руки, лукаво изогнув бровку на Сяо Чжаня, и тот послушно нырнул под распахнутые полы.

— Ну как? Нравится? — Сяо Чжань всё же был повыше Ван Ебо, поэтому в два счета перехватил инициативу, обхватил его за талию и завернул в пуховик целиком.

— Ага. — Плечи Ван Ебо расслабились, а когда он обернулся, Сяо Чжань уже пристроил голову у него на плече. Привыкнув к такой позе, парень позволил себе обмякнуть и перенес весь свой вес на того, кто стоял за спиной.

— А теперь можешь признаться, почему ты предпочел бы поездку в Таиланд, лишь бы не ехать в Японию?

Ван Ебо легонько боднул его лбом:

— Сам знаешь и еще спрашиваешь?

— В смысле? Понятия не имею.

— Прекрасно ты всё знаешь! — Ван Ебо повернулся и легонько прикусил его за мочку уха. — Неизвестно еще, кто тогда изо всех сил рвался со мной расстаться и утащил в Японию двух красавиц! В такие места меня и калачом не заманишь!

— Я слышал про ревность к людям, слышал про ревность к животным, но чтобы ревновать к целой стране — такого мне слышать еще не доводилось. Ван Ебо, признайся честно, к чему ты еще не ревнуешь? Ты точно в Хэнане родился? Похоже, тебя вымочили в бочке с чжэцзянским уксусом!

— Да иди ты! — он попытался вырваться из объятий Сяо Чжаня, но тот держал слишком крепко. Поборовшись пару секунд, Ван Ебо махнул рукой и с чистой совестью снова превратил парня за спиной в подушку: — Не знаю, то ли у меня розовые очки тогда были треснувшие, то ли я реально ослеп, но когда мы снимали Неукротимого, мне казалось, что ты такой слабый и беззащитный. С такой-то силой — помнишь, я хватал тебя за запястья, как ты вообще умудрялся не вырываться?

— Да как я мог? — Сяо Чжань усмехнулся, касаясь носом его мочки. — Если бы я не прикинулся слабеньким, как бы ты, этот гордый лев, клюнул на приманку? Сыграл роль, обманул женушку — сплошная выгода, почему бы и нет?

— Ты просто прикрывался ангельской внешностью и так жестоко меня обманул!

— Нет, я просто слишком глубоко вжился в роль.

— Куда ты там вжился? А когда мы в постели, чего ты не кричишь, что в роль вжился?

— Ну, это другое.

— Чем это другое?

— Место другое.

— Да пошёл ты к чёрту! — Ван Ебо попытался пихнуть его локтем, но Сяо Чжань увернулся с молниеносной быстротой, в мгновение ока выскользнул из пуховика, залился смехом и принялся помогать парню застегивать молнию. Накинув собственную куртку, он бросил: — Пойдем, мы же оба проголодались, поищем чего-нибудь вкусенького.

— Ладно, я хочу рис с угрем, суши, рамэн и еще...

— Всё-всё, хватит, ты что, столько съешь?

— А вот и съем! Редко выпадает шанс нормально отдохнуть, надо наесться от пуза.

— Лопни ты от жадности! — Сяо Чжань со смехом переплел их пальцы и потащил за собой.

Едва они вышли за порог, как столкнулись с хозяйкой виллы. Женщина молча скользнула взглядом по их соединенным рукам, мягко улыбнулась, простучала своими гэта обратно к себе домой.

Сяо Чжань и Ван Ебо переглянулись и рассмеялись.

— Ты напугал хозяйку.

— С чего бы? Это у нее просто нервы ни к черту.

— А ты не боишься, что она нас выгонит?

— Ни за что. Я заплатил двойную цену за аренду с условием, что никто не смеет нас беспокоить.

— Сяо Чжань, ты больной, что ли? Деньги жгут карман?

Сяо Чжань протянул руку и щелкнул его по лбу:

— Мелкому не положено рассуждать о таких вещах.

— Отвали, я тебе не мелкий!

Размахивая руками, словно парочка сорванцов, они зашагали по улице. Нынешняя эпидемия нанесла жестокий удар по всей туристической отрасли: несмотря на то, что Япония держала ситуацию под контролем, гулять напропалую, как они, отваживались единицы. Некогда шумный уездный город Яманаси сейчас выглядел на редкость уныло и пустынно.

Сяо Чжань вел его за руку. По пути им попались всего парочка таких же влюбленных парочек, а витрины некогда оживленных мелких лавочек были заколочены. Те же немногие магазинчики, что продолжали работать, едва сводили концы с концами.

Завидев таких щедрых клиентов, как Сяо Чжань и его спутник, хозяева сразу нескольких заведений тут же высыпали на улицу, пытаясь позвать их внутрь.

В конце концов Ван Ебо выбрал с виду самую чистую лапшичную, и они толкнули дверь.

Сяо Чжань заказал порцию тонкацу-рамэна. Ван Ебо бросил на него короткий взгляд и тут же озвучил точно такой же заказ. Японского он не знал, поэтому просто копировал интонацию и движение губ Сяо Чжаня, чем до смерти рассмешил своего спутника.

— Вы откуда будете? Китайцы или корейцы?

— Мы из Китая, — с улыбкой ответил Сяо Чжань. — Мой муж очень любит мясо, будьте добры, добавьте в его порцию двойную порцию свинины и еще два яйца, пожалуйста.

— А? Да-да, разумеется, понимаю. — Хозяин заведения на секунду остолбенел от слова «муж», но, переведя взгляд на двух писаных красавцев, сидевших перед ним, мгновенно во всем разобрался и со счастливой улыбкой потрусил на кухню.

— Братух, ты чего ему наговорил? Чего это он на нас так странно смотрит?

— Ничего особенного. Сказал, что мой муж обожает мясо, попросил положить порцию побольше.

— Мой... муж? — Ван Ебо завис на секунду, пока до него дошел смысл сказанного, а потом ткнул себя пальцем в грудь и недоверчиво уточнил: — Это ты про меня?

Сяо Чжань не выдержал и рассмеялся, оттянув его за молочную щеку:

— А по-твоему, у меня должен быть другой муж? Или мне называть тебя как-то иначе? Ваше благородие?

— Хе-хе, не надо, мужем мне нравится больше. Это обращение просто супер, правда!

На душе у Ван Ебо расцвели буйным цветом фиалки. Во время обеда он в порыве небывалого воодушевления переложил в чашку Сяо Чжана два куска мяса, сияя при этом так лучезарно, что Сяо Чжань не мог сдержать улыбку.

После сытного обеда они немного побродили по окрестностям. Людей не было, вокруг царило запустение, развлечений никаких — слоняться оказалось неинтересно, и парочка неспешно поплелась обратно в отель.

Ван Ебо, которому строго-настрого запретили залезать в воду, сидел на краю бортика, обиженно болтая ногами в термальной воде и поднимая брызги. Сяо Чжань проплыл бассейн туда и обратно, слегка согрелся, подплыл к нему и устроился головой на голених Ван Ебо, лениво переругиваясь о всякой ерунде под звездным небом.

— Братец, теперь я понял, почему ты так хотел именно в Японию.

— М?

— Тут такая свобода. Никаких фанатов, никаких сталкеров, ни одного репортера и даже менеджера нет... — он сделал глубокий вдох, глядя на усыпанное звездами небо: — Даже воздух пахнет свободой.

Сяо Чжань замер, перехватив его барахтающиеся ноги, и тоже уставился в ночное небо.

— Ты меня за какого-то поэта держишь? — неожиданно произнес он.

Ван Ебо моргнул, опуская взгляд на него. Сяо Чжань поднял голову, встретился с ним взглядом и вдруг улыбнулся:

— Да я просто подумал, что тут язык более-менее знакомый, да и источники подороже и поприятнее.

— Твою мать, Сяо Чжань, ты опять надо мной издеваешься! — Ван Ебо с криком бомбочкой сиганул в воду. Сяо Чжань испуганно замахал руками, пытаясь его поймать. Пару раз перекувырнувшись в воде, Ван Ебо прижал его спиной к мраморному бортику бассейна.

— Ты вообще собираешься заживлять свои раны или нет? — Сяо Чжань со вздохом усадил его верхом на свои колени. Он-то прекрасно знал, что этот упрямец ни за что не послушается и не станет просто сидеть на берегу.

Ван Ебо сидел верхом на его бедрах, возвышаясь над Сяо Чжанем почти на голову. Редкая возможность оказаться сверху доставила ему невероятное удовольствие. Обхватив Сяо Чжана за шею, он принялся колдовать над его мокрыми прядями, со смехом комментируя:

— Раз уж одежда всё равно насквозь мокрая, чего ты паришься? — соорудив из волос Сяо Чжана два смешных рогалика и любуясь на его обреченно-нежный взгляд, он залился счастливым смехом.

— Малыш, отличная прическа, пожалуй, так и оставим!

— Вот как? — Сяо Чжань сквозь зубы улыбнулся, подхватил его за ягодицы и резким движением сменил позиции: теперь уже Ван Ебо оказался прижат спиной к стене бассейна.

— Давай-ка я и тебе сооружу шедевр. Как насчет пучка на макушке? По-моему, дико стильно.

— Сяо Чжань! Только посмей!

— А что мне мешает, если только... — он слегка сжал ладонь на его ягодицах, и намек стал более чем прозрачным.

— Ай... Сяо Чжань, старый ты извращенец...

— Какой же я старый? Разве это не ты сам пришел ко мне в лапы, маленький котик?

— Ха-ха, руки куда тянешь? Убери, ха-ха-ха, не щекоти, ха-ха-ха...

— Тише, не задевай раны.

— Точно, у меня же раны, ха-ха-ха... Сяо Чжань... — смех перешел в слезы. Стоило ему запрокинуть голову, как чужие губы накрыли его рот, лишая возможности издавать звуки, и смех стих сам собой.

Ван Ебо вцепился в шею Сяо Чжаня и, поддавшись выталкивающей силе воды, снова вдавил его в бортик бассейна.

Между поцелуями, тяжело дыша, он прижался лбом к лицу Сяо Чжаня:

— Братец, я буду сверху.

— Мгм, ладно, — Сяо Чжань подбросил его на руках. — Главное, чтобы я был внутри!

— Ах... Сяо Чжань, да чтоб тебя!

Все в комментариях жалуются, что жизнь слишком тяжелая и срочно требуется доза сахара, так что сегодня у нас сплошная сахарная вата~~~

Огромное спасибо моим маленьким ангелочкам, которые присылали мне баобао и поливали питательной жижей в период с 2021-04-25 12:07:28 по 2021-04-26 07:25:32!

Спасибо ангелочку Эр Тан за 25 флаконов питательной жижи!

Большое спасибо всем за поддержку, я буду стараться еще сильнее!

Глава 7 (часть 8)

Эту ночь они проспали мертвецким сном. Ван Ебо устал настолько, что дрожал всем телом, но снова и снова просил продолжения. Сяо Чжань прекрасно понимал: так тот выплескивал все накопившиеся за день эмоции, и даже когда они задевали свежие раны, парень запрещал ему

останавливаться.

Переворачиваясь из стороны в сторону, они прокувыркались так до самого рассвета.

Ван Ебо свернулся калачиком, а Сяо Чжань осторожно перевернул его к себе на грудь. Глаза его были закрыты, но в груди бурлило невыносимое, тяжелое чувство — особенно когда в размеренном дыхании Ван Ебо то и дело слышались всхлипы. От этого на сердце становилось тесно и больно.

— Что нужно сделать, чтобы ты снова улыбнулся? — пробормотал он про себя. Если бы убийство не каралось законом, У Тунмин уже давно не ходил бы по этому свету.

При этой мысли его руки невольно сжались в кулаки. Наверное, кондиционер шпарил слишком сильно, потому что Ван Ебо недовольно что-то пробормотал во сне, перевернулся и затих.

Сяо Чжань со сложным выражением лица смотрел на его спину, всю в синяках и багровых следах, разрываясь между жалостью и раскаянием. Ему не стоило во всём потакать этому упрямцу. Вчерашнее купание и долгая возня в воде только ухудшили состояние его ран.

Бросив еще один взгляд на крепко спящего Ван Ебо, Сяо Чжань тихонько поднялся с постели и набрал номер Сяо Вана.

— Алло? Учитель Сяо? — в сонной полудреме голос Сяо Вана звучал лениво, но он не забыл поинтересоваться: — Как там шеф?

Сяо Чжань на цыпочках вышел на балкон. Сам он не курил, но в этот момент почему-то ощутил такую дикую раздражительность, что ему захотелось затянуться.

— Всё в порядке, — то ли отвечая на вопрос Сяо Вана, то ли успокаивая самого себя, произнес он.

— Ну и славно, — Сяо Вана уже начал подниматься и одеваться. Раз уж Сяо Чжань никогда не звонил просто так, значит, в такое время его мог заставить потревожить только серьезный вопрос.

И точно, Сяо Чжань перешел к делу:

— Сделай для меня кое-что. Деньги роли не играют.

— Слушаю.

— Малыш, вставай.

— Отстань. — Ван Ебо перевернулся на другой бок и запустил в Сяо Чжаня первой попавшейся под руку подушкой.

— Ого, да ты покушаешься на жизнь собственного мужа! — Сяо Чжань увернулся от летящего снаряда и с грохотом запрыгнул на кровать. Усевшись верхом на одеяло, в которое был замотан Ван Ебо, он ущипнул его за нос: — День уже на дворе! Если не встанешь, цыплёнок у тебя в животе начнет клеваться!

— Пфф! — Ван Ебо задохнулся от неожиданности, с закрытыми глазами отмахнулся от лица назойливого мужа и заворчал басом: — Я тебе не ребенок, Сяо Чжань! Хватит нести всякую чушь!

— Дай-ка проверю, есть там цыплёнок или нет? — Сяо Чжань принялся стаскивать с него одеяло. Ван Ебо, доведенный до белого каления, превратился в гусеницу в коконе и пополз к краю кровати, продолжая ругаться: — Да ты задолбал! Я хочу спать, дай мне еще поспать!

— Ты и так проспал весь день, если еще поспишь, желудок опять заболеть удумает.

Заметив, что парень подбирается всё ближе к краю, Сяо Чжань протянул руку, чтобы подстраховать, но не успел: глухой стук, испуганный вскрик Ван Ебо — и под грохот собственного хохота Ван Ебо с успехом скатился на пол.

— Ссс... — из кучи одеял показалась растрепанная макушка, а затем предстал сам Ван Ебо: один глаз приоткрыт, другой зажмурен, вид совершенно осоловелый. Сяо Чжань не только не проникся сочувствием, но и со звериной жестокостью запустил пальцы в и без того взъерошенную гриву львёнка, превратив его в растрёпанного кота.

— Еб вашу мать, Сяо Чжань, ты вообще человек?!

Ван Ебо окончательно проснулся от такого обращения. Послав к черту остатки приличий, он швырнул одеяло в сторону, с пола сиганул тигром и в два счета повалил обнаглевшего кролика под себя.

— Стоп-стоп-стоп! Ван Ебо, я сдаюсь, ха-ха-ха, не щекоти, ха-ха-ха-ха, малыш, я неправ!

— Еще раз хихикни! Ну-ка, хихикни! Я из-за тебя на пол рухнул, а ты еще смеешь ржать?

— Больше не буду, малыш, ха-ха-ха-ха...

— Сс... — рука Ван Ебо внезапно замерла. Сяо Чжань тоже напрягся.

Он тут же подобрался, аккуратно усадил набедокурившего буяна на край кровати и участливо спросил:

— Задел рану?

Ван Ебо зыркнул на него исподлобья, придерживая себя за поясницу, и отвернулся с ярко-алыми ушами.

— Чего ты? — Сяо Чжань поначалу не понял причины его смущения, решив, что парень и вправду потянул больное место, и с испуганным видом принялся задирать на нем одежду.

— В основном одни сихи, да и ссадины уже корочкой покрылись, где ты потянул-то? — Сяо Чжань в панике полез за мазью. — Я же тебе уже три раза за день мазал, как ты умудрился? Я же просил не ерзать, а ты вечно не слушаешь...

Его лоб перехватили за запястье. Сяо Чжань недоуменно поднял голову и столкнулся с полыхающим гневом и стыдом лицом Ван Ебо. Секунда — и до него дошло. Сяо Чжань грохнул со смеху:

— Малыш, неужели ты...

— Только попробуй вслух сказать, я тебя укушу до смерти!

— Ну ладно, тогда я спою: Хризантемы увяли, вся жопа в шрамах, твоя улыбка уже... Ой-мамочки, учитель Ван дерётсяяя!!

— Я тебя убью, Сяо Чжань! Ты нарываешься всё сильнее!

— Ха-ха-ха-ха, малыш, поаккуратнее, — Сяо Чжань с абсолютно честным лицом поддержал его за талию и добавил контрольный в голову: — Береги поясницу... Ха-ха-ха-ха...

— Аррр~~~~ Сил моих больше нет, Сяо Чжань! Я тебя разорву!

Ха-ха-ха-ха, малыш, я виноват, виноват, ха-ха-ха-ха, ну правда, не моя же это вина, ха-ха-ха-ха, как ты вообще... Чуть не высосал из меня все соки!

Ты ещё говоришь? Ты ещё смеешь говорить!

В конце концов Сяо Чжань, сдерживая смех, выслушал бурю негодования, а после того, как взъерошенный маленький лев от души поколотил его, они кое-как замяли это дело.

Ешь вот это, я сегодня утром купил, налегай.

Желая искупить вчерашнюю оплошность, Сяо Чжань положил ему в тарелку большой кусок свежего омары и под презрительным взглядом Львёнка, сдерживая улыбку, сунул себе в рот клешню краба, которую только что очистил Ван Ебо.

Результаты его собственных долгих трудов нагло утащили, и Ван Ебо хлопнул по столу, швырнув рыбью голову прямо в тарелку Сяо Чжаня:

— Да чтоб ты со смеху лопнул! Я это хочу есть, чисти давай!

— А? — Сяо Чжань посмотрел на выпотрошенную башку омара. Разве в этой штуке есть что чистить?

— Если сегодня не выковыриваешь оттуда ни капли икоры — из-за стола не встанешь!

— Ого, а учитель Ван сегодня свиреп!

— Ого, а учитель Сяо такой вредный!

— Поклонники учителя Вана, должно быть, рыдают! Такой грозный!

— Да это поклонники учителя Сяо должны рыдать! Такой вредный!

Во время трапезы они пикировались так живо, что атмосфера за столом стала напоминать выступления комиков из Тяньцзиньской труппы. Уже давно им не удавалось расслабиться вот так. После обеда Ван Ебо, почувствовав себя гораздо лучше, накинул на плечи куртку, надел маску и потащил Сяо Чжаня на прогулку.

Давай быстрее, чего копаешься? У нас в кои-то веки трёхдневные выходные, я проспал целые сутки, послезавтра уже на самолёт — нельзя же так бездарно тратить время.

Можно ещё забронировать...

Да что забронировать... Учитель Сяо что, со дня на день разбогатеет и не знает, куда деньги девать? Не забывай, у тебя всё ещё висит невыплаченный кредит за виллу! Идём, идём, пойдём погуляем, шевелись.

Сяо Чжань едва не споткнулся, увлекаемый за собой, и при этом безудержно хохотал над словами Ван Ебо.

Учитель Ван с каждым днём становится всё более домашним и мягким.

Разве это не идеальный тип учителя Сяо?

Давно уже нет! — Сяо Чжань переплел их пальцы, и их обручальные кольца тесно соприкоснулись.

Ого? И каков же теперь идеальный тип учителя Сяо?

Ван Ебо.

М? Чего тебе?

Пх-ха-ха, — пользуясь преимуществом в росте, Сяо Чжань взъерошил его волосы и пояснил: — Идеальный тип нынешнего учителя Сяо — это учитель Ван Ебо!

Ошеломлённый столь внезапным признанием в стиле дешёвых любовных романов, Ван Ебо не сразу сообразил, что ответить. Он простоял в ступоре целую секунду, прежде чем до него дошло, и даже сквозь маску было видно, как распухли от смущения его молочные щёчки.

Тогда, тогда идеальный тип учителя Вана — тот, кто старше на шесть лет, мягкий и домашний, лучше всего смуглый, худой и чуть-чуть повыше меня.

Ого, учителю Вану проще сразу назвать имя Сяо Чжана.

Если не считать слишком густых волос на ногах, учитель Сяо действительно отлично подходит!

Тогда для меня это величайшая честь.

Они шли вперёд, переговариваясь и смеясь. Проходя мимо лавки с мороженым, Ван Ебо заинтересовался десертом, украшенным шоколадным печеньем в виде скейтборда.

Сяо Чжань ущипнул его за пухлую щёчку и, смиренно взвалив на себя обязанности мужа, велел ему подождать на скамейке в прилегающем кафе, а сам встал в очередь за мороженым.

Ван Ебо грыз кофейный стаканчик в руках и, ухмыляясь, наблюдал, как его мужчина выделяется среди толпы женщин, словно журавль среди стаи цыплят. Он едва сдерживал смех, особенно учитывая то, как аура Сяо Чжана — стоявшего среди девушек в студенческой форме — приковывала к себе абсолютно все взгляды.

Сяо Чжань неловко огляделся по сторонам, то налево, то направо, и в конце концов попытался незаметно, с самым невинным видом, отодвинуться от девичьей толпы чуть подальше. От этого Ван Ебо рассмеялся ещё веселее.

Ну погоди, я тебе покажу, как надо мной смеяться! — пробормотал он про себя и шутливо потёр поясницу: чёрт, как же всё болело.

Сяо Чжань наконец-то дождался своей очереди. Продавщица, видя, что парню одному приходится нелегко, из доброты подарила ему ещё один маленький розовый рожок. Под дружный девичий хохот старик Сяо без тени смущения и покраснения принял мороженое и под всеобщими взглядами проглотил его в один присест.

Толпа: «.....»

Продавщица: — Господин, это подарок для вашей девушки, — пояснила она, приняв Сяо Чжана за иностранца и решив, что он её не понял.

Сяо Чжань указал на Ван Ебо, который неподалёку сидел, опустив голову и неизвестно чем занимаясь, затем показал на мороженое-скейтборд в собственной руке и с мягкой улыбкой объяснил по-японски:

— Это для моего парня.

— Ого..... — толпа дружно ахнула. Продавщица никак не ожидала такого поворота событий, с неловкой улыбкой извинилась, быстренько сделала такой же десерт-скейтборд и протянула его Сяо Чжаню: — Простите.

Сяо Чжань щедро заплатил за три порции мороженого и покачал головой:

— Ничего страшного.

С этими словами, под восторженные визги девушек, он не спеша направился к кафе, где сидел Ван Ебо.

Товарищ Ван Ебо, ты меня подставил... — он выглядел как старшеклассник, над которым подшутили, но который всё же испытывает тайную гордость. И хотя он жаловался, на его лице играло не сходящее с уст торжество: — Видел? Твой мужчина пользуется таким успехом, но в моих глазах есть только... Ты чем занят?

Сяо Чжань отбросил рожок из правой руки и резко выхватил собственный телефон:

— Разве я не говорил тебе не пользоваться...

Вышло официальное заявление, да? Ты знал об этом ещё вчера в самолете. — Ван Ебо забрал у него последнее оставшееся мороженое, горько усмехнулся, сорвал маску и свирепо откусил кусок.

Малыш, — Сяо Чжань нахмурился, скользнув взглядом по разлетевшимся по земле остаткам мороженого, и замялся на полуслове.

Я в порядке, — Ван Ебо протянул ему надкушенный рожок: — Я же ожидал этого. Не бери в голову. Будешь? Вкусно.

Малыш, — Сяо Чжань хотел уговорить его ещё немного, но не знал, с чего начать. В конце концов, Ван Ебо всё равно бы рано или поздно узнал. Прятать от него телефон он пытался лишь для того, чтобы дать ему время прийти в себя: вернувшись на родину, он бы уже переболел этим, и стало бы чуточку легче. Кто же знал, кто же мог просчитать всё так, что он забудет телефон.

Попробуй, правда очень вкусно. — Ван Ебо снова поднёс мороженое к его губам. Уголки его рта всё ещё кривились в подобии улыбки, но Сяо Чжань видел лишь разочарование и пустоту в глазах Ван Ебо, смешанные с безысходностью перед лицом этого жестокого мира.

Он наклонился и откусил там, где ел Ван Ебо, даже не упоминая, что уже съел одно мороженое, и просто подхватил его слова:

— И впрямь очень вкусно.

Правда? Японское мороженое славится не меньше шоколада. Перед отъездом надо будет набрать побольше шоколада: для Ван Лэя, учителя Да, для маленького Муму из семьи брата Хань... Точно, и Цянь Фэн-гэ нельзя забывать. Он всю свою энергию тратит на еду, а в таком возрасте всё ещё без пары, так жалко его — привезу ему побольше вкусняшек. А ещё моти, как я мог о них забыть? Надо захватить с собой японских дафуку и моти. С таким количеством добра нам понадобится чемодан побольше...

Хорошенько всё обдумав, Сяо Чжань чувствовал, как у него в груди всё сжималось от боли. Он перехватил его за руку и продолжил в том же духе:

— Давай завтра пойдём за покупками, накупим им всем кучу всякой вкуснятины. Наберём побольше всего, и не забудь про папу с мамой и Сяо Сяо. Родителям купим побольше одежды и

уходовой косметики, Сяо Сяо привезём скейтборд — она в последнее время сильно выросла, старый детский уже не годится. А ещё бабушка: она в последнее время подкашливает, как раз сможем привезти из Японии порошок от кашля ронкасан.

Ван Ебо тупо уставился на него. Он слушал, как Сяо Чжань наизусть перечисляет дела его семьи, зная о них даже то, о чём сам Ван Ебо понятия не имел.

Учитель Сяо так много всего знает. Столько забот у меня дома, а я даже не в курсе. — Он опустил голову и с унылым видом стал помешивать ложечкой кофе: — И правда, я ни на что не горюю... Ничего не могу сделать нормально.

От такого вида Ван Ебо у Сяо Чжаня сердце сжималось до боли, грозя перекрыть дыхание. Тот самый парень, который только что весело препирался с ним, в мгновение ока погрузился в такую глубокую апатию — он не мог этого допустить!

Пойдём со мной. — Сяо Чжань крепко схватил его за запястье и потянул за собой.

Ван Ебо вырвал руку, натянул на лицо вымученную улыбку и произнёс:

— Брат, я немного устал. Хочу вернуться в отель.

Разве ты не говорил только что, что твои каникулы ограничены? Только проснулся, откуда столько сна? Пойдём, составишь мне компанию.

Давай завтра, уже так поздно, я хочу вернуться и поспать.

Хватит спать, ночная жизнь в Японии только начинается. Я так давно здесь не был, составь мне компанию, ну пожалуйста?

Сяо Чжань, я правда устал... — он посмотрел на Сяо Чжаня, напускная улыбка исчезла, и в его взгляде и голосе прозвучала едва уловимая мольба: — Брат, я не хочу, чтобы кто-то видел меня в слезах, можно?

Ван Ебо, здесь нет чужих! — Сяо Чжань сделал шаг вперед и на глазах у изумленной публики крепко перехватил руку Ван Ебо: — Здесь ты — это ты, а я твой муж. Ты можешь бесноваться и капризничать передо мной, и никто слова не скажет! Но... — он прижал ладонь Ван Ебо к собственной груди: — Когда ты вот так притворяешься, что всё в порядке, вот здесь будет невыносимо больно, понимаешь?

Ван Ебо шмыгнул носом, его глаза покраснели:

— Да пошёл ты к чёрту! Я просто хотел прийти домой и поплакать, а ты, мать твою, ещё и на улице меня доводишь~~ Я хочу домой!

Сяо Чжаню было уже не до того. Боясь, что их кто-нибудь узнает, он поспешно натянул маску на лицо готового расплакаться львёнка, прижал его к своей груди, одновременно поглаживая по спине и ругая самого себя:

— Да, да, я сволочь. Не плачь, малыш, позволь мне тебя утешить, ладно?

— Я крутой парень, мне не нужны утешения, — продолжал отчаянно сопротивляться Ван Ебо, хотя в его голосе уже отчётливо слышались всхлипывания.

Малыш, не плачь, позволь мне тебя утешить, ладно?

— А если не утетишь? — хныкал Ван Ебо, жалуясь: — Мне сейчас так паршиво, эти чиновники из Главного спортивного управления вообще нелюди, такое явное предвзятое падение замяли, у-у-у, Сяо Чжань, почему они все такие?! Разве мы не договаривались о честности и справедливости? Почему? У-у-у...

— Да-да, они все сволочи, — Сяо Чжань продолжал успокаивать его, поддакивая: — Если не утешу, позволю тебе побыть Лань Чжанем. Обещаю, и сверху, и изнутри всё будет твоим, поверь мне хоть раз, м?

Правда? — Ван Ебо внезапно поднял голову, в его глазах еще блеснули слёзы: — И снаружи, и изнутри всё будет моим?

Сяо Чжань дернул уголком рта и с трудом кивнул.

И я буду Лань Чжанем?

Сяо Чжань снова кивнул.

А я — Вэй Усянем? — продолжал уточнять Ван Ебо.

Сяо Чжань одновременно чувствовал злость и веселье, но всё же кивнул, заодно смахнув пальцем его слезинку.

Ван Ебо долго вглядывался в него, убеждаясь, что Сяо Чжань не откажется от своих слов, а затем прямо посреди улицы, под изумлёнными взглядами девушек-студенток, снова уткнулся в грудь Сяо Чжана и горько зарыдал:

— У-у-у... Мне так больно, Сяо Чжань, мне так больно, и это такая боль, которую ты точно не сможешь утешить... У-у-у...

Сяо Чжань: «.....» Не стоило поддаваться на жалость. Как же так вышло, что он сам себе выкопал такую огромную яму?

Ван Ебо: — У-у-у-у, брат, мне так грустно, и эту грусть ты ни за что не утетишь!

Завтрашняя глава выйдет с задержкой, это пост из отложенных, а сама я сейчас скупаю всё подряд на карнавале Черепашек в Нанкине, ждите моего возвращения, ха-ха~~~~~

Огромное спасибо маленьким ангелочкам, которые присылали мне билеты тирана или подпитывали питательной жидкостью в период с 2021-04-26 07:25:32 по 2021-04-30 19:02:47!

Спасибо маленьким ангелочкам за питательную жидкость: qing — 20 флаконов; Ту Туту, Свинка куклы Чжу — 10 флаконов;

Большое спасибо всем за поддержку, я буду продолжать стараться!

Экстра 7 (конец)

Экстра седьмая

Хватит дурачиться, с каких пор у тебя такие манеры? — Сяо Чжань протянул руку и ущипнул Ван Ебо за щеку: — О чём ты вообще думаешь целыми днями?

Всё равно ты меня не утетишь, — Ван Ебо шмыгнул носом, отводя взгляд. Подумать только,

такой шанс, добытый с таким трудом, разве можно упустить просто так.

Пошли.

Куда? — стоило им сделать движение, как толпа студенток, всё ещё крутившихся у лавки с мороженым, дружно ахнула: даже под масками, скрывавшими лица, аура этих двоих ни в чём не уступала дебютировавшим трейни.

Сяо Чжань взял его за руку и потащил за собой. Ван Ебо едва не споткнулся от неожиданности и чуть не врезался ему в спину.

Ты чего?

Сяо Чжань вздохнул, с беспомощной улыбкой обернувшись на него. Ван Ебо уставился на него, не сразу сообразив, в чём дело, как вдруг Сяо Чжань медленно присел перед ним на корточки.

Такой тугодум, точно свинка в прошлом перерождении.

Сам ты свинка! И вся твоя семья! — не успел он договорить, как тело само собой, по привычке, запрыгнуло на чужую спину.

Разве ты не из моей семьи? По старшинству ты как раз свинка.

Вовсе нет, это ты!

Ты, ты...

Сам ты!

Сяо Чжань нёс его на спине, быстро удаляясь и оставляя позади застывшую толпу студенток, которые совершенно не понимали, как на это реагировать. В наше время красавчики и правда лучше всего смотрятся с красавчиками... У-у-у...

Они дошли до подножия горы, и Сяо Чжань опустил на землю задремавшего у него на спине Ван Ебо.

Где мы? — Ван Ебо ещё толком не проснулся. Каждый раз, стоило ему забраться к Сяо Чжаню на спину, как его тут же клонило в сон — что это вообще за безусловный рефлекс?

Уснул, что ли? — Сяо Чжань снова ущипнул его за пухлые щёчки и поддразнил: — Разве ты не просил меня утешить тебя?

А я и не просил тебя утешать. — Ван Ебо прикрыл глаза и лениво прислонился к его груди: — На самом деле я в порядке. Разве мы не ожидали этого заранее?

Точно в порядке? — Сяо Чжань указательным пальцем приподнял его подбородок и сдерживая улыбку переспросил: — Если в порядке, тогда я не буду тебя утешать? Идём домой?

Услышав слово домой, Ван Ебо мгновенно пришёл в себя, тут же замотал головой и выпалил:

— Нет, я не в порядке, мне сейчас безумно грустно, очень тяжело, брат, такую грусть тебе ни за что не утешить.

Правда? — Сяо Чжань приподнял бровь с видом человека, который ровно это самое и ожидал услышать.

Ван Ебо потёр нос, развернулся и прямо перед собой заметил деревянный ящик выше человеческого роста.

Это что ещё такое?

Нельзя было винить его в наблюдательности: в этом глухом месте, где на сотню ли вокруг не было ни деревень, ни людей, этот огромный ящик посреди дороги бросался в глаза просто невероятно.

Подарок, — Сяо Чжань развел руками: — Разве не очевидно?

Такой большой? — Ван Ебо обошёл вокруг коробки два раза и постучал по стенке — деревянная.

Ты что, человека там спрятал?

Кто знает, — Сяо Чжань подошел и присоединился к нему, сделав ещё два круга вокруг ящика: — Понятия не имею, понравится ли тебе, но внутри прячется просто огромная красавица.

Разве есть кто-то красивее тебя, главного красавчика Азиатско-Тихоокеанского региона? Тогда мне действительно любопытно.

Сяо Чжань лукаво приподнял бровь: — Хочешь открыть и посмотреть?

Ван Ебо скопировал его жест, прижавшись плечом к коробке: — Если внутри окажется красавица, она достанется тебе или мне?

Угадай, — загадочно улыбнулся Сяо Чжань, и Ван Ебо надул губы: — Знал бы, что у тебя на уме нет ничего доброго, тиран!

Откроем и поглядим?

Откроем раз уж пришли.

Ван Ебо снова обошёл ящик и нажал на красный выступающий рычажок.

Осторожно! — если бы Сяо Чжань не успел резко отдернуть его в сторону, Ван Ебо едва не получил удар рухнувшей доской прямо по голове.

Что за хрень? Тьфу... — коробка развалилась слишком быстро, он даже не успел толком рассмотреть, что внутри, как ему в лицо полетело облако пыли.

Кхе-кхе, кхе-кхе, прости, ты в порядке? — Сяо Чжань бросился отряхивать его. Ван Ебо пару раз кашлянул, открыл глаза и замер, ошеломлённый тем, что предстало перед его взором.

Знакомые обтекаемые формы, знакомый зелёный кузов и этот неповторимый нос с номером 85...

Сяо Чжань, ты больной! — Никакой радости он не испытал. Сейчас меньше всего на свете ему хотелось видеть хоть что-то, связанное с мотоциклами, особенно этот самый байк, из-за которого он дважды перевернулся. Его едва начавшее приходить в норму настроение снова

рухнуло на самое дно.

Малыш, — Сяо Чжань протянул руку, пытаясь схватить его за запястье.

Ван Ебо отмахнулся от него и развернулся, собираясь уйти:

— Притащить мне мотоцикл сейчас — это ты так издеваешься надо мной? Если уж и правда хочешь утешить, лучше бы разделась и легла в постель, толку было бы куда больше, чем от всей этой херни.

Эй, Ван Ебо, что за выражения? — Сяо Чжань снова попытался поймать его, но Ван Ебо грубо оттолкнул его руку:

— Не разговаривай со мной! Я сейчас не хочу ни видеть, ни слышать ничего про мотоциклы, про гонки и про это чёртово спортивное управление! Хочешь играть — играй сам, я ухожу.

Ван Ебо! Я между прочим специально для тебя доставил его самолётом!

Да ты просто жируешь от денег!

Ты и правда уйдешь? — Сяо Чжань не стал его удерживать и, глядя на то, как Ван Ебо ни на секунду не сбавляет шаг, окликнул его снова: — У тебя действительно хватит совести бросить меня одного в незнакомом месте, Ван Ебо?

Хотя он и понимал, что этот негодяй сейчас просто давит на жалость, ноги Ван Ебо всё же бесхарактерно остановились. Он обернулся:

— Ты, богатеи, способный выкупить целиком целую гору, и вдруг в незнакомом месте? Кого ты обманываешь?

А? — Сяо Чжань потёр нос, задрал голову и включил дурака: — О чём ты? Я ничего не понимаю.

Ты что, считаешь меня идиотом? Это же нормальная горная дорога. Даже во время пандемии народу мало, но мы тут возились столько времени — ты хоть одну машину проехавшую видел? А твою рухлядь, брошенную посреди дороги? Если бы ты заранее не выкупил это место, тебя бы уже давно полиция замела, ясно?

Сяо Чжань снова потер нос и виновато пробормотал:

— Малыш, почему в такие моменты ты бываешь до жути сообразительным?

Сяо Чжань! Перестань вечно относиться ко мне как к дураку! — Ван Ебо глубоко вздохнул и снова зашагал прочь.

На этот раз позади внезапно стало тихо. Больше не было уговоров Сяо Чжаня, не было звуков шагов, следующих за ним. Его собственная, только что казавшаяся такой непреклонной решимость, столкнувшись с этой тишиной, вновь бесхарактерно дала трещину.

А вдруг... а вдруг Сань-гэ и правда разозлился?

Шаги Ван Ебо заметно замедлились, а затем стали совсем вялыми, и в его душе зашевелилось самоедство: вообще-то, мотоцикл тут ни при чём, и Сяо Чжань тоже не виноват. Он ведь притащил этот байк из самой дали только для того, чтобы поднять ему настроение? И чем он

сейчас занимается? Срывает злость? И правда, если оставить его вот так одного здесь... Япония всё же не родная страна, пусть он даже знает японский и выкупил всю гору, но с его-то преступно притягательной внешностью... И вокруг ни души, а он сам бросил его...

Чёрт! Такой взрослый, а вечно доставляет столько хлопот! Поднятая нога уже никак не могла опуститься обратно, особенно когда сзади царила абсолютная тишина. Чувство тревоги нарастало в груди Ван Ебо с каждой секундой, в голове начали крутиться самые жуткие сценарии с похищениями, и он, не выдержав, резко развернулся и побежал обратно.

Лучше бы он не возвращался. Едва заметив вдали фигуру Сяо Чжаня, он от увиденного едва не лишился чувств — сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

Ты что творишь?!

Ван Ебо заорал во всю мочь. Сяо Чжань, который как раз разбирался, как завести байк, от неожиданности вздрогнул, рука соскочила с газа, и мотоцикл резко рванул вперёд.

Ай, Ван Ебо!

Дзынь! К счастью, скорость была небольшой. Ван Ебо подлетел к нему, одной рукой зажал тормоз, а другой на ходу выдернул ключ зажигания. Сяо Чжань на шатающемся мотоцикле проскользил еще довольно далеко, пока наконец не остановился при помощи Ван Ебо.

А, ты вернулся? — Сяо Чжань смахнул со лба холодный пот и расплылся в улыбке, глядя на Ван Ебо: — Я же знал, что ты не сможешь меня бросить.

Ван Ебо тоже покрылся холодным потом от пережитого. Глядя на то, как Сяо Чжань улыбается во все тридцать два зуба, словно ничего и не случилось, он разозлился ещё сильнее. Замахнувшись, он принялся лупить его по спине, при каждом ударе осыпая ругательствами:

— Сяо Чжань, совсем берега потерял, да? На велосипеде ездить толком не умеешь, а уже за мотоциклы взялся? А? До чего же ты умный! Ты вообще соображаешь, что это горная дорога? Понимаешь, насколько здесь опасно? Чёрт, да я прибью тебя!

— Ой-ой-ой, учитель Ван, не надо, не бей! — Сяо Чжань попытался увернуться, но Ван Ебо, раздраемый чувствами досады и злости, продолжал колотить его: — Ты хоть понимаешь, как опасно было секунду назад? А если бы я не вернулся? Ты что, собрался с этой железякой в могилу сойти?! Сяо Чжань, до чего же ты невыносим! А? Мой мотоцикл! Тебе ли о нём горевать и с ним умирать? Чёрт, что бы завтра написали в заголовках новостей? Да прибью я тебя, чтоб неповадно было, довёл меня до белого каления!

— Ладно-ладно, учитель Ван, ой, больно же, не бей, я понял, что был неправ, уи-и... — Сяо Чжань перехватил его запястья и невинно захопал ресницами: — Кто же просил тебя меня бросать? Я просто подумал: мы столько времени вместе, а ты меня ни разу не катала на мотоцикле. И раз уж ты выглядел так, будто больше никогда не сядешь за руль, мне стало любопытно, каково это вообще, хотел попробовать... Ой, за что опять бьёшь?

Пробовать ему захотелось! Да ты хоть знаешь, что едва не угробил себя?

Сяо Чжань надул губы и снова включил режим милашки:

— Но, учитель Ван, я же видел, как на дороге другие мотоциклы ездят, не так уж и быстро...

Разве мой байк можно сравнивать с теми развалюхами? Мы с Лао Чжао и остальными больше полугода убили на его настройку! Ты хоть представляешь, сколько раз мы перебирали один только двигатель? А эта рама...

Он оборвал себя на полуслове и поднял голову. Сяо Чжань неподвижно смотрел на него с чистым и невинным выражением лица, в то время как в этих прославленных на весь мир персиковых глазах явно читались хитрые и лукавые искорки.

Ты опять меня обманул! — взревел он и снова замахнулся, но Сяо Чжань ловко перехватил его руку и примирительно оставил поцелуй на тыльной стороне ладони.

Малыш, ты ведь всё ещё любишь гонять на байках, правда?

Не люблю, совсем не люблю! И до конца жизни не хочу к ним прикасаться! — кривя душой выпалил он, а в глазах снова начали собираться слёзы.

Тогда мы не будем участвовать в гонках. — Сяо Чжань достал из кофра тот самый шлем с номером 29 и надел его на голову Ван Ебо, а себе на макушку водрузил другой — с номером 85, в котором тот обычно гонял на соревнованиях.

С завтрашнего дня ты будешь катать меня на нём на рынок за овощами. В качестве наказания я подвешу к его носу кур, уток, рыбу, крабов и зелень, чтобы он выглядел максимально уродливо — кто просил его быть таким бестолковым? Наш малыш так сильно его любит, а он взял и тебя уронил, верно?

Пх-ха-ха... — Ван Ебо представил, как Сяо Чжань едет на боевом коне за овощами, и не выдержал, рассмеявшись от такого абсурда.

Сяо Чжань, надо же было такое придумать! Ездить на рынок за капустой на профессиональном гоночном байке стоимостью в сотни тысяч, ты в своём уме?

Уж не знаю, в своём ли я уме, но я точно знаю, что он расстроил моего малыша... — он подвинулся ближе к краю сиденья и с улыбкой произнёс: — Ну что, учитель Ван, перед тем как заставить его служить на благо нашего семейного стола, не прокатишь меня кружочек? Столько времени прошло, а я ещё ни разу не сидел на пассажирском месте позади учителя Вана. Учитель Ван такой жадина.

Поддавшись на эту провокацию, Ван Ебо немного оттаял, сердито зыркнул на него, закинул ногу на мотоцикл и не успел толком устроиться, как почувствовал спиной знакомое тепло — чьи-то руки крепко обхватили его за пояс.

К слову, спина учителя Вана тоже очень удобная.

От такой двусмысленной позы уголки губ Ван Ебо сами собой поползли вверх. Почему он раньше об этом не думал? На мотоцикле именно Сяо Чжань должен быть тем, кого защищают — это ощущение было просто потрясающим.

Крепче держись! — скомандовал он, и под звуки его окрика байк сорвался с места.

Ого-о-о!!! — завопил у него за спиной Сяо Чжань: — Малыш, как же быстро! Это безумно захватывает!

Ночной ветер свистел со свирепой прохладой, свойственной Фудзияме. На темной горной дороге завывало, словно сотни призраков. Сяо Чжань протянул руку, и невидимый прежде ветер вдруг обрел плотность, сжавшись в его ладони в мягкий пушистый комок.

— Малыш, смотри, этот ветер совсем мягкий! — Сяо Чжань поднес руку к самому его лицу. — Мягче твоей задницы, эй-эй-эй! Помедленнее!

— Сяо Чжань, нарываешься! — Ван Ебо от злости даже рассмеялся. Сначала он опасался, что Сяо Чжань испугается, и намеренно сбавил скорость, но теперь из-за этих развратных речей окончательно отбросил все сдерживающие факторы, и скорость мотоцикла взлетела до предела.

— Ого, ого, оказывается, можно так быстро? Ван Ебо, ты просто невероятен!

Сяо Чжань пришел в себя лишь мгновение спустя, вцепился мертвой хваткой в талию Ван Ебо и заорал:

— Ван Ебо!

— Чего?!

— Я люблю тебя!

Внезапное признание застало его врасплох. Уголки его губ медленно поползли вверх, и теперь в ушах, помимо грохота ветра, звучали лишь те самые слова Сяо Чжаня.

— Что ты сказал? Не слышу! — крикнул он в ответ, но скорость мотоцикла начала постепенно падать.

Заметив, что едут медленнее, Сяо Чжань перестал бояться. Он встал на подножках, уперся обеими руками в плечи Ван Ебо и во все горло завопил в сторону черневшего неподалеку бездонного горного ущелья:

— Ван Ебо! Я люблю тебя! Я буду любить тебя вечно!

— Ван Ебо, я люблю тебя, я буду любить тебя вечно!

— Ван Ебо, я люблю тебя...

— Ван Ебо...

Эхо раскатывалось по горному лесу эстафетой, и для Ван Ебо в этот момент оно звучало прекраснее любой дорогой акустической системы стоимостью в несколько миллионов.

Мотоцикл мчался все выше, и всю дорогу Сяо Чжань продолжал выкрикивать признания.

Пока наконец они не остановились у небольшой беседки на вершине горы. Рев мотора стих, но в горных ущельях все еще не смолкало эхо повторенных многократно признаний Сяо Чжаня.

Ван Ебо соскочил с мотоцикла и первым делом сорвал с головы шлем:

— Сяо Чжань, да чтоб тебя!

Вслед за этим он стянул шлем и с самого Сяо Чжаня.

Он прижал его к каменной колонне беседки, и их холодные губы соприкоснулись, мгновенно вспыхнув обжигающей страстью. Сяо Чжань прищурил глаза и не сопротивлялся; едва его губы бессознательно приоткрылись, как его целиком поглотило дыхание Ван Ебо.

Они целовались долго, пока холодный горный воздух окончательно не рассеялся от тепла их дыхания. Только тогда Ван Ебо отпустил его, напоследок еще раз прикусив за губу.

Сяо Чжань увидел, как он отстранился, единым прыжком взгромоздился на каменную скамью в беседке и во весь голос закричал на горные хребты:

— Сяо Чжань, я люблю тебя!

Ему ответило все то же раскатистое эхо и ухмыляющаяся физиономия стоявшего рядом мерзавца.

Сяо Чжань взял его за руку и засунул себе под одежду.

Тут Ван Ебо вспомнил об их пари, с трудом сдержал улыбку в уголке рта и гордо выдал:

— Ничего подобного, я ни капельки не обрадовался! О чем ты вообще думал? Притащить меня в такую темнотищу, мне ничуть, совсем ничуть не весело!

— Сам же сказал: если не темно, значит, должно быть весело.

Ван Ебо вовсе не собирался попадаться на его удочку, лишь глубже засунул холодные руки ему за пазуху и с заносчивым видом заявил:

— Думаешь, я не понял твой замысел? Подумаешь, фарой посветить — велика невиданность. Если такой смелый, возьми да поджогом эту гору освети!

— Сам напросился!

Обняв его за талию, Сяо Чжань отправил сообщение в WeChat. Спустя минуту в беседке зажгся свет. Раньше было слишком темно, и Ван Ебо не разглядел, а теперь отчетливо увидел, что вся беседка сплошь увешена снежинкоподобными гирляндами.

— Это...

Не успел он договорить, как неоновые огни, словно разноцветные снежные волны, покатались назад по дороге, по которой они только что поднимались.

Один круг, второй, третий...

Оплетая всю серпантинную дорогу целиком, гирлянды в мгновение ока дотянулись до самого подножия горы.

— Я осветил для тебя эту гору. Учитель Ван, уважьте меня своей просьбой, согласны?

— У меня нет денег, так что придется расплатиться собой!

Ван Ебо больше не мог сдерживаться, бросился ему на грудь, а в глазах снова заблестели слезы. Этот дурачок... сколько же всего он сделал тайком от него?

Сяо Чжань смахнул слезинку с уголка его глаз и нежно, с бесконечной лаской улыбнулся:

— Прежде чем расплачиваться собой, могу я воспользоваться этим крошечным поводом для трогательного моментов и попросить тебя: было — и прошло, давай больше не будем грустить, ладно?

— Угу!

Он снова уткнулся лицом в грудь Сяо Чжання:

— Где ты только нахватался этих сценариев, такая сопливость, я же не девчонка!

— Но тебе ведь нравится...

В это же время у подножия горы Ван Лэй обливался потом и отвечивал пинки Лэдэ.

— Куда ты жмешь? Выключатель вон там, вот там! Черт побери, тут всего-то пара кнопок, ты что, до сих пор не понял, какую нажимать? Мне нужно постепенное усиление освещения, а не долбаный «Сапер», где все взрывается оптом!

Лэдэ с самым невинным видом продолжал тыкать на кнопки по порядку.

Янь Янь бросил взгляд на дюжину разноцветных переключателей перед собой и молча продолжил работать. Поистине, неудовлетворенный мужчина — это самое страшное создание на свете.

<http://bllate.org/book/21164/2144602>